

Александр Бушев

Тверской государственный университет

(г. Тверь, Россия)

ЯЗЫК ВРАЖДЫ И ДИСКУРСИВНОЕ ПОРТРЕТИРОВАНИЕ МИГРАНТОВ

Объект исследования – медиадискурс европейского миграционного кризиса. Материалом исследования выступил дискурс общественно-политических глобальных и русских медиа. Утверждается, что материал дискурса о миграции – важное средство изучения дискурсивных эмоциональных оценок.

Ключевые слова: язык вражды; дискурсивное портретирование; эмоциональная оценочность; стигматизация; миграция.

Эмоциональная оценочность дискурсивного портретирования мигрантов и обсуждение их стигматизации, рассмотрение необъективности освещения этой проблематики в зависимости от политической конъюнктуры отмечается еще в работах Т. ван Дейка конца девяностых годов, но лишь сегодня объект нашего исследования – медиадискурс европейского миграционного кризиса – приобрел новое звучание.

Материалом данного исследования выступил дискурс общественно-политических глобальных и русских массмедиа. Методом исследования в нашей работе выступает анализ медиадискурса.

«Мигрант» в массмедиа – это термин, применяемый и к беженцам, и к экономическим мигрантам. Лексика оценки мигрантов типична. Так, в статье «Migrant crisis: Germany to release funds to help regions sore», размещенной на сайте «Би-би-си», выделим оценочную лексику – *поток, опасный прецедент, рекордное количество мигрантов, шаг в сторону нормализации, ослабить правила предоставления убежища: Germany's coalition government has agreed to spend 6bn euros (£4.4m) to support record numbers of migrants and other measures to deal with the influx. // Critics at home have accused Chancellor Angela Merkel of creating a dangerous precedent by opening Germany's borders. // About 18,000 migrants arrived over the weekend after an agreement with Austria and Hungary to relax asylum rules. // But Austria's Chancellor Werner Faymann has said the emergency measures must come to an end. // He said they would move step by step "towards normality", after speaking to Chancellor Merkel and the Hungarian Prime Minister Viktor Orban on Sunday.*

Текст статьи не только содержит констатации мер, принимаемых правительствами европейских стран по отношению к мигрантам, но

и мер их всесторонней поддержки в дальнейшем. Обратим внимание на завышенные слова в текстах: «*безопасное*» Косово, «*справедливое распределение*» мигрантов между европейскими государствами

Дискурс о миграции напрямую связан с медиадискурсом религиозной идентичности, помогающим понять феномен терроризма.

Н. И. Миронова в своей статье «Речевая агрессия и язык вражды как разделы современного курса «Русский язык и культура речи» в вузе» [4] обсуждает разнообразие языка вражды и учет этого явления при преподавании основ коммуникации в курсе русского языка. Автор констатирует, что расширение коммуникативного пространства и перемещение основных потоков коммуникации в интернет требуют модификации традиционной программы курса «Русский язык и культура речи» и включения в нее новых разделов, таких как сетевой этикет, агрессивные стратегии и тактики виртуальной коммуникации, речевая агрессия, «язык вражды», опасности его использования и манипулятивный характер. В первую очередь, по мнению автора, при обучении необходимо дать представление об особенностях сетевой коммуникации. Это виртуальность общения и его анонимность, возможность множественной и динамичной самопрезентации. Коммуниканты могут представляться в сети вымышленными именами и даже использовать одновременно несколько «никнеймов». Это также статусное равноправие пользователей, являющееся следствием дистантности общения и его опосредованного характера. Как следствие, общение в сети приобретает более свободный характер и определенные языковые особенности: высокую эмоциональную насыщенность, сочетание вербальной и невербальной информации, особое использование языковых средств. Стирается граница между устной и письменной речью. В виртуальной коммуникации чрезвычайно широко используются агрессивные коммуникативные стратегии и тактики, а также средства речевой агрессии и «язык вражды».

В связи с этим актуальной для студентов темой становится анализ агрессивных стратегий и тактик сетевой коммуникации, препятствующих ее успешному осуществлению. Это *холивар* (от англ. *Holy war* – священная война; спор между людьми, придерживающимися диаметрально противоположных взглядов на проблему, не имеющую решения, например, *что вкуснее, персик или нектарин*), а также очень популярные сейчас в виртуальной коммуникации *троллинг*, *флуд* и *флейм*. Полезной будет информация и о способах реализации этих агрессивных коммуникативных стратегий. Это может быть сочетание подчеркнутой вежливости с насмешкой; маскировка под новичка или, наоборот, эксперта; преднамеренное неверное написание «никнеймов» и пр.

Автор приводит мнение исследователя речевой агрессии Ю. В. Щербининой, считающей, что «в наиболее общем понимании язык вражды – это слова и выражения, которые подсознательно или явно программируют людей на агрессию, являются ее пусковым механизмом». При этом Ю. В. Щербинина обращает особое внимание на то, что язык вражды служит для выражения ненависти «ко всему “иному”, непривычному, отличному от сложившихся стереотипов той или иной социальной либо культурной общности людей» [5, с. 172].

По мнению Н. И. Мироновой, с целью анализа лингвистических средств актуализации «языка вражды» в высказываниях и текстах в программу курса необходимо включить информацию о средствах речевой агрессии в русском языке, являющихся базой «языка вражды». Речь идет о наборе средств для выражения прямой, или открытой, речевой агрессии, а также имплицитной, скрытой. В первую группу входят лексические средства, выражающие негативную оценку: инвективная и стилистически сниженная лексика, окказиональные слова, агрессивная метафора и пр. Вторая группа представлена дискурсивными средствами, например, тенденциозным использованием негативной информации и речевых импликатур, иронией, переходящей в насмешку, интертекстуальностью и пр.

Необходимо дать студентам представление о разных подходах к классификации как стратегий, так и средств «языка вражды» в самых популярных классификациях: классификации А. М. Верховского, классификации М. В. Кроза и Н. А. Ратиновой и классификации Европейского университета.

А. М. Верховский подразделяет язык вражды на жесткий, средний и мягкий [1]. «Жесткий язык вражды» предполагает прямые и непосредственные призывы к насилию или к дискриминации; призывы к насилию или к дискриминации с использованием общих лозунгов; а также завуалированные призывы к насилию и дискриминации. «Средний язык вражды» представляет собой оправдание исторических случаев дискриминации и насилия; утверждения о криминальности той или иной этнической группы; указание на связь какой-либо социальной группы с российскими и/или иностранными политическими и государственными структурами с целью ее дискредитации; рассуждения о непропорциональном превосходстве какой-либо этнической группы в материальном достатке, представительстве во властных структурах и т. д.; обвинение в негативном влиянии какой-либо социальной группы на общество, государство и др. «Мягкий язык вражды» подразумевает создание нега-

тивного образа этнической группы; упоминание названий этнической группы в уничижительном контексте; утверждение о неполноценности этнической группы или о ее моральных недостатках; упоминание социальной группы или ее представителей в уничижительном или оскорбительном контексте; цитирование ксенофобных высказываний или публикация подобного рода текстов без соответствующего комментария, определяющего размежевание между мнением интервьюируемого и позицией автора текста (журналиста); предоставление места в газете для явной националистической пропаганды без редакционного комментария или иной полемики.

М. В. Кроз и Н. А. Ратинова [3], анализируя стратегии «языка вражды», выделяют «ложную идентификацию» (формирование и подкрепление негативного этнического стереотипа, отрицательного образа нации, расы, религии и т. п.); «ложную атрибуцию» (приписывание враждебных действий и опасных намерений представителям какой-либо нации, расы, религии и т. п.), а также «мнимую оборону» (побуждение к каким-либо действиям против определенной нации, расы, религии и т. п.).

Классификация Европейского университета [2] делит тексты на 2 категории: тексты с относительно мягким «языком вражды», содержащие признаки деления на «МЫ-группу» и «ОНИ-группу», и тексты с относительно жестким «языком вражды», содержащие еще и побудительные конструкции, которые призывают к негативным действиям в отношении «ОНИ-группы». Важно также проанализировать со студентами примеры разных тактических приемов использования «языка вражды» («наклеивание ярлыков», генерализация, искажение цитат, деление на «своих» и «чужих», непривлекательный ракурс и пр.).

Будет полезно дать студентам представление об опасностях, которые несет использование «языка вражды». В первую очередь, это тот факт, что проникший в публичную сферу, он не ищет реального врага – он его активно придумывает, творит из насущного окружения самым наименованием. Еще одна опасность «языка вражды» связана с тем, что в условиях глобализации современного общества размываются критерии его объективной оценки: случаи экстремизма или дискриминации нередко оцениваются обыденным сознанием как попытки «отстаивания независимости», «защиты национального достоинства», «укрепления традиций» и т. п. В этой связи необходимо упомянуть и о манипулятивном характере «языка вражды», с помощью которого очень легко скрыть истинные намерения и выдать одно за другое.

Матэрыял дыскурса о міграцыі – прекрасное средство изучения дискурсивных эмоциональных оценок. Имеет смысл исследовать портретирование мигрантов в других стилях и жанрах, в частности неинституционализированного, неформального дискурса. Релевантен дидактический потенциал таких исследований – особенно в речевой практике журналиста, политика, социолога.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Верховский, А. М. Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / А. М. Верховский. – М. : РОО «Центр “Панорама”», 2002. – 200 с.
2. Дубровский, Д. В. Язык вражды в русскоязычном Интернете : материалы исследования по опознаванию текстов ненависти / Д. В. Дубровский, О. В. Карпенко. – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2003. – 72 с.
3. Кроз, М. В. Экспертная оценка материалов, направленных на возбуждение вражды и ненависти / М. В. Кроз, Н. А. Ратинова // Цена ненависти. Национализм в России : сб. ст. / сост. А. Верховский. – М. : Центр «Сова», 2005. – С. 75–92.
4. Миронова, Н. И. Речевая агрессия и «язык вражды» как разделы современного курса «Русский язык и культура речи» в вузе // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : сб. ст. по итогам III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 окт. 2017 г. : в 2 ч. Ч. 1 / редкол. : О. И. Уланович (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – С. 10–16.
5. Щербинина, Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды / Ю. В. Щербинина. – М. : Форум, 2012. – 400 с.

Аксана Бязлепкіна-Чарнякевіч
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
(г. Мінск, Беларусь)

ДЗІЦЯЧАЯ ЛІТАРАТУРА БЕЛАРУСІ: (НЕ)КУЛЬТУРА МОВЫ

Разглядаюцца і класіфікуюцца памылкі ў дзіцячых кнігах: памылкі друку; граматычныя памылкі; дамінаванне вершаванага памеру над арфаэпіяй, граматыкай і сінтаксісам; лексічныя памылкі ці недакладнасці.

Ключавыя словы: культура мовы; білінгвізм; памылка; арфаэпія; граматыка; лексіка.